

Jean-Philippe Arrou-Vignod

Un petit pois
pour six

Histoires des Jean-Quelque-Chose

Illustré par Dominique Corbasson

GALLIMARD JEUNESSE

Жан-Ришар Ару-Виньо
Торошина
на
шестерых
Приключения семейки из Шербура

*Иллюстрации Доминик Корбасон
Перевод с французского Иры Филипповой*

УДК 821.133.1-053.2
ББК 84(4Фра)
А84

Арру-Виньо, Жан-Филипп.

А84 Горошина на шестерых. Приключения семейки из Шербура : [для мл. шк. возраста : 6+] / Жан-Филипп Арру-Виньо ; ил. Доминик Корбасон ; пер. с фр. Иры Филипповой. — М. : КомпасГид, 2019. — 120 с. : ил. — Доп. тит. л. фр.
ISBN 978-5-00083-493-0

Если вы думали, будто у Жан-Филиппа Арру-Виньо закончились весёлые и трогательные истории из детства, то вы, к счастью, ошибались! Семейка из Шербура настолько неугомонна, что их проказ хватило бы и на двадцать книг. Но пока — седьмая и последняя: долгожданное продолжение «Омлета с сахаром», «Летающего сыра», «Шашлычка из редисок» и других любимых сборников.

Приключения в большой шербурской семейке возникают как-то сами собой, в ничего не предвещающих на первый взгляд обстоятельствах. Поход в библиотеку — чем не повод для детективного сюжета с элементами заговора? Тайная рукопись Жана Б. на раз-два провоцирует такую битву подушками и такое метание носков, каких эта детская комната прежде не видывала. Даже долгие зимние вечера — и те полны событий, открытий, вдохновляющих и счастливых моментов. Иначе и не может быть в семействе, где шестеро сыновей, каждого из шестерых мальчишек зовут Жаном, а папа — словно седьмой Жан-сорванец, пусть и чуть-чуть взрослее.

Писатель Жан-Филипп Арру-Виньо (родился в 1958 году), известный читателям в образе Жана Б., не ностальгирует по прошлому, а превращает свои воспоминания в уникальный мир настоящего детства, куда хочется возвращаться вновь и вновь. Франция 1960-х годов неожиданно оказывается столь же притягательной и очаровывающей, как Нарния или Средиземье, — а детали жизни обычного человека из прошлого века становятся понятным и привычным окружением для самых необычных приключений.

Вся серия оформлена в едином стиле и проиллюстрирована Доминик Корбасон (1958–2018). Лёгкая, карикатурная манера французской художницы вторит озорному стилю текста и добавляет уморительных моментов.

УДК 821.133.1-053.2
ББК 84(4Фра)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as «Un petit pois pour six»
© Éditions Gallimard Jeunesse, 2018
© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019
ISBN 978-5-00083-493-0

Операция «Библиотека»

Самые неприятные дни в Шербуре — это когда нам не надо идти в школу.

Например, в выходные или во время каникул.

Папа и мама у нас жутко строгие: хотя Жан А. учится уже в шестом классе, а я в четвёртом, они не отпускают нас одних в бассейн или в кино на фильмы про ковбоев. А хуже всего то, что нам не разрешают ходить в гости к друзьям или приглашать их к себе.

Сколько мы ни ворчали и ни злились, как хорьки, — всё зря.

— Ну неужели вы вшестером не можете придумать, чем себя развлечь? — удивлялась мама. — У нас так много образовательных настольных игр!

— Играть со средними и младшими? — кипятился Жан А. — Ах, зачем я не остался единственным ребёнком в семье!

— Хочешь сказать, это я во всём виноват? — возмущался я в свою очередь. — Ты, может, думаешь, что вторым ребёнком быть очень приятно?

— Так, а ну-ка хватит, — перебивал нас папа, когда иссякало его легендарное терпение. — Ещё одно слово — и вы все отправитесь к себе в комнаты. Вам что, уроков не задали?

— Я могу сыграть «Спокойной ночи, малыши», хотите? — кричал Жан Г., который всё утро терзал нас своими упражнениями на дудке.

— О нет! — вопили мы всем хором. — Лучше сдох...

— Что-что? — перебивал нас папа.

— Ничего-ничего, — отвечали мы.

— Какой смысл не ходить в школу, если всё равно целый день делать уроки? — злился Жан В.

— Вот-вот, — поддерживал его Жан А. — В гостях можно хотя бы посмотреть «Зорро» или «Звёздный путь».

— Так я и думал, — кивал папа. — Мы с вашей мамой приняли твёрдое решение обходиться без телевизора не для того, чтобы вы ходили к одноклассникам и до одурения смотрели там все эти нелепые передачи.

— Особенно если мы не знакомы с их родителями, — поддакивала папе мама.

— Что такое *итинилепые*? — спрашивал Жан В., у которого словарный запас не больше, чем у дерева.

— В общем, это даже не обсуждается, — выносил приговор папа. — Если вы не в состоянии развлечь себя сами, не беспокойтесь: уж я-то найду вам полезное занятие.

— А мне плевать, — бормотал себе под нос Жан А., направляясь к двери. — Вот стану совершеннолетним — и ноги моей больше не будет в этом дурдоме...

— Что-что? — спрашивал папа, приподнимая одну бровь. — Жан А., ты, кажется, что-то сказал?

— Нет-нет.

— Вот и хорошо, — говорил папа. — Потому что мне было бы очень неприятно, если бы пришлось немедленно, безо всяких разговоров, отправить тебя в интернат для детей военнослужащих.

После Рождества наша жизнь вдруг изменилась.

Папа посмотрел денёк-другой, как мы болтаемся без дела по гостиной и дерёмся у себя в комнатах, и ему в голову пришла блестящая мысль.

— Дорогая, а что, если нам записать Жана А. и Жана Б. в муниципальную библиотеку?

— Но ведь у нас семейный абонемент в церковно-приходском читальном зале, — напомнила ему мама.

— Да, — согласился папа. — Но ходить в библиотеку самостоятельно и самому себе выбирать книги — по-моему, отличный способ развить чувство ответственности, как ты считаешь? Особенно если принять во внимание то, с какой скоростью поглощает книги Жан Б. ...

Это и в самом деле была классная идея, библиотека мне бы здорово пригодилась. Я уже четыре или пять раз подряд прочёл последний выпуск «Ежегодного журнала», который дедушка Жан дарит нам каждый год на Рождество, и уже почти неделю глотал одну за другой бесконечные книжки про секретного агента Ланжело.

Мы с Жаном А. прямо зубами вцепились в эту возможность.

— Мама, разреши, ну пожалуйста! — стали мы её умолять. — Ты нас тогда целыми днями вообще не будешь видеть, вот честное слово!

— Я тоже как раз хотел это сказать, — поддержал нас папа.

— Ну что же, хорошо, — наконец сказала мама. — Если вы обещаете обращаться с библиотечными книгами аккуратно и всегда сдавать их вовремя... Хотя мне трудно поверить в такую вероятность, судя по беспорядку, который царит в вашей комнате.

— Честное слово! — закричали мы и бросились маме на шею. — Клянёмся жизнью средних!

И на следующий день нас записали в библиотеку.

С тех пор мы с Жаном А. исправно каждый четверг ходили в библиотеку.

Сначала мы проводили там по часу или два, чтобы подольше не возвращаться домой, а потом стали оставаться до самого вечера.

Папа был счастлив, что у нас наконец-то появилось полезное занятие. Но маме наш энтузиазм казался подозрительным. Особенно когда однажды мы захотели убежать в библиотеку ещё до того, как закончился обед.

— Вы что же, не хотите десерта? — изумлённо спросила она, когда мы вскочили из-за стола так стремительно, будто к нашим попам кто-то прикрутил пружины.

— Нам некогда, — ответил я, заталкивая библиотечные книги в спортивную сумку.

— Мне нужно готовиться к суперсрочному сочинению, — сказал Жан А. — Завещаю свою жижу с комками... ну... в смысле... свой рисовый пудинг Жану В.

Ну и рожи скорчили тут средние! Они ведь не меньше нашего ненавидели домашний рисовый пудинг...

— А почему нам нельзя в библиотеку? — возмутился Жан Г.

— И не мечтайте, — сказали мы, — никаких средних в библиотеке.

— Я тозе погложу книжки, — занял Жан Д., который не выговаривает половину звуков. — Можно я тозе записусь в библиотеку?

— И не мечтай, — снова сказали мы. — Шепелявых в библиотеку не пускают.

— К тому же ты ещё не умеешь читать, несчастный нулюс, — засмеялся Жан А. и постучал Жана Д. по макушке.

— Только тронь ещё раз моего брата — и ты труп! — пригрозил Жан Г.

— И не думайте, что мы за вас уберём со стола, — предупредил Жан В.

— Ещё одно слово, — очень спокойным голосом произнесла мама, — и все до вечера просидят по своим комнатам.

— А как же моё сочинение по истории? — спросил Жан А., бледнея.

— А мой агент Ланжелло? — спросил я, тоже бледнея.

Мама вздохнула.

— Бегите, — сказала она. — Но больше я не стану горбатиться и готовить для вас вкусные десерты.

Мы были уже в прихожей и натягивали на ноги резиновые сапоги, когда мама вдруг окликнула Жана А.

— Кстати, а на какую тему это твоё суперсрочное сочинение?

Жан А. прикинулся глуховатым — он всегда так делает, когда его застают врасплох.

— Чего? — переспросил он.

— Не «чего», а «что», — поправила мама, которая никогда не упускает возможности напомнить нам о хороших манерах.

— Сочинение-то? Ну, оно... э-э... оно о Наполеоне... то есть об этом... Рамзесе... Знаешь, такой египетский фараон.

— Ты как будто не очень в этом уверен, — заметила мама.

— Вот поэтому-то мне и надо в библиотеку, — затараторил Жан А. — Проверю там всё как следует.

Я подтолкнул его к выходу.

— Давай скорее! Сейчас все нужные книги разберут. До вечера, мама. Пока, редиски!

— Не сидите там слишком долго! — крикнула мама нам вслед.

Закрыв за нами дверь Жан В., весь зелёный от зависти. Он так яростно хлопнул дверью, что, конечно, разбудил малыша Жана Е.

Ждать лифта мы не могли — уж очень торопились, поэтому бежали с одиннадцатого этажа по лестнице, и вопли Жана Е. летели за нами до самого низа.

— Не хотел бы я сейчас оказаться на месте Жана В., — радостно крикнул Жан А., когда мы вылетели на улицу.

— Что на тебя нашло? — набросился я на него. — Чуть не испортил всё своей малограмотностью!

— Это ты про сочинение? Не волнуйся, мама ничего не заподозрила.

— Ну ты и дубина, — вздохнул я.

— А ну повтори, что сказал!

Мы шли по улице и толкали друг друга. А потом, когда убедились, что мама уже не увидит нас из окна, Жан А. сказал, потирая руки:

— Итак, начинаем операцию «Библиотека». Сверим часы.

Мы показали друг другу свои наручные часы и установили на них одинаковое время с точностью до минуты.

— Встречаемся на этом самом месте ровно в пять, — сказал Жан А. — Только смотри не опаздывай, понял?

— За кого ты меня принимаешь?! — возмутился я.

Ему не терпелось поскорее убежать, но я поймал его за рукав.

— А ты на самом деле куда?

— Я же тебе утром говорил... К Стефану.

Стефан — это лучший друг Жана А. Он тоже очкарик, тоже учит латынь и собирает марки — они с Жаном А. ими меняются.

— А что вы будете делать?

— Не твоё дело!

— Ну и достанется же тебе, если мама и папа узнают, что ты прогуливаешь библиотеку, — усмехнулся я.

Он пожал плечами.

— Стефану на день рождения подарили новую гоночную трассу «24 часа Ле-Мана»*. Необходимо, чтобы её испробовал профессионал.

— Это ради игры в машинки ты сделал себе такой аккуратный пробор посреди башки? — спросил я.

Жан А. тут же сделался красным, как помидор.

— Я? Ты сдурел?

Жан А. предпочёл бы отдать руку на отсечение, чем признаться, что влюблён в сестру Стефана.

— Да я даже не знал, что у него есть сестра, — стал отбиваться он. — Честное слово!

* Гонка под таким названием ежегодно проходит во Франции с 1923 года, её участники соревнуются не столько на скорость, сколько на выносливость. Гонка длится 24 часа, и за это время каждый должен уехать настолько далеко, насколько позволят его собственные силы и возможности его автомобиля. (Здесь и далее — примеч. пер.)

— А разве кто-то что-то сказал про сестру? Лично я ничего такого не говорил.

Тогда он закатил глаза к небу.

— Ладно, у меня есть дела поважнее, чем стоять тут и слушать бредни какого-то четвероклашки. Смотри, не забудь взять для меня каких-нибудь книжек... Только давай что-нибудь получше, чем в прошлый раз!

В прошлый четверг я выбрал для него «Экзамен по катехизису на пять!» и два тома «Правдивой истории Танга, маленького прокажённого».

Ну и рожу он скорчил, когда их увидел... Но поскольку папа похвалил его за такой разумный выбор, Жану А. пришлось прочитать всё это, чтобы папа мог обсудить с ним содержание.

Так ему и надо. Будет знать, как выезжать на моей доброте.

А я вот просто обожаю ходить в библиотеку.

Особенно когда погода стоит ужасная и дождь хлещет по стёклам. Залы в библиотеке огромные, и там всегда царит полумрак — из-за стеллажей, заставленных книгами, которые тянутся от пола до самого потолка. Можно подумать, что ты где-нибудь в подводном гроте или в «Наутилусе» у капитана Немо.

К тому же библиотека расположена прямо над булочной, и сюда доносится запах горячих бриошей и пирогов с сюрпризом, только-только вынутых из печи. Когда наступает время полдника, я прямо в обморок готов свалиться от голода — так там вкусно пахнет!

Часто, прежде чем подняться в библиотеку, я покупаю себе булочку с шоколадом или пирожок с яблоком и прячу на дно сумки.

«КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПИТЬ ИЛИ ЕСТЬ В ПОМЕЩЕНИИ БИБЛИОТЕКИ» — гласит табличка перед входом. Я сдаю библиотекарю прочитанные книги и бегу на второй этаж: мне кажется, будто на дне сумки у меня граната с выдернутой чекой.

В библиотеке разрешают брать не больше трёх книг в неделю, поэтому выбирать нужно очень тщательно. Я могу часами слоняться вдоль стеллажей с неудобно выгнутой шеей, чтобы читать названия на корешках.

Когда мне попадает что-нибудь интересное, я просматриваю краткое содержание на задней обложке:

«История ездовой собаки, которая заново одичала!»

«На дочь учёного совершено покушение в жёлтой комнате... Потрясающе!»

«Неведомое морское чудовище гоняется за кораблями по всем морям земного шара... Класс!»

А вот находка ещё более ценная: книга из серии «Альфред Хичкок и три сыщика». Я ещё не читал эту часть, и к тому же её только-только вернул какой-то другой читатель!

Я хватаю все эти сокровища и, стгорая от нетерпения, бегу в самый дальний угол читального зала. Там устраиваюсь на диване и пробегаю глазами первые страницы — просто чтобы убедиться в том, что краткие описания на обложках не врут.

Но как же остановиться, когда Юпитер, Пит и Боб, трое юных сыщиков, пускаются в очередное расследование? Таинственный чемодан, который они купили на аукционе, похищен... И я, понятное дело, принимаюсь за следующую главу, а потом — за следующую, и следующую, и всё это время тайком жую пирожок с яблоком.

Мне кажется, что прошло минут десять, не больше. Но вдруг я подскакиваю как ужаленный. Что? Почти пять? Скорее домой, ведь уже совсем вечер. Библиотека сейчас закроется, а я уже дочитал книгу и даже не заметил, как это произошло.

Я бегу и ставлю её обратно на полку, беру «Необычайные каникулы Мишеля», «Исчезнувших из Сент-Ажиля», «Агента Ланжелло и шпионов» и несусь во весь опор к выходу... и только тут вспоминаю, что забыл выбрать книги для Жана А.

К счастью, рядом со столом библиотекаря сложены грудой книги, которые только что вернули, и их ещё не успели

разложить по полкам. Я наугад выхватываю из горы две штуки, протягиваю библиотекарю вместе со своими, чтобы она их зарегистрировала, и как сумасшедший вылетаю на улицу.

Я уже точно опоздал на нашу встречу, Жан А. будет в ярости.

— Ты совсем, что ли? — набросился он на меня, когда мы наконец встретились в тот четверг. — На часы посмотреть не пробовал? Знаешь, сколько я уже торчу под этим водопадом?

Он был весь мокрый и злой как собака. Нетрудно догадаться почему: или Стефан обошёл его в «24 часа Ле-Мана», или сестра Стефана за весь день ни слова ему не сказала.

— Из-за тебя у меня полные сапоги воды, — проворчал он. — Надеюсь, ты написал моё сочинение, иначе прощайся с жизнью!

— Твоё сочинение? Ты издеваешься? Может, мне ещё и посморкаться за тебя?

— Чего? Ты что, ничего не сделал? И как мне, по-твоему, теперь выкручиваться?

— Это твоя проблема, старичок.

— Ты хотя бы додумался взять для меня книг?

— Две штуки.

— Хороших?

— Закачаешься!

И мы со всех ног бросились в сторону дома.

В тот вечер операция «Библиотека» чуть было не провалилась.

Папа пришёл с работы раньше обычного, такое бывает очень редко. Когда мы открыли дверь, он как раз вешал телефонную трубку.

— Ну что, ребята, — спросил он, — интересно провели время в библиотеке?

— Просто класс, — ответили мы.

— Жан А., ты дописал сочинение?

Жан А. рухнул в кресло и изобразил на лице чрезвычайное утомление.

— Почти, — со вздохом произнёс он. — Ужас до чего тяжёлая работа...

— Хорошо, — сказал папа. — А то мама Стефана только что звонила.

Жан А. стал белым как труп. Можно было подумать, что он случайно проглотил градусник.

Младшие и средние будто почували, что надвигается катастрофа: они все сбежались в гостиную и, встав на безопасном расстоянии, наблюдали за нами и тихонько хихикали.

— Чья м-м-мама? — пробормотал Жан А.

— Мама Стефана, — повторил папа. — Ну, знаешь, твоего лучшего школьного товарища, у которого ты сегодня забыл куртку.

Папа говорил очень спокойным голосом, но по тому, как он скрестил руки на груди и покусывал изнутри щёку, было понятно, что его спокойствие — дело временное.

Я задержал дыхание. Этот недоумок Жан А. попался, и теперь из-за него нам обоим запретят ходить в библиотеку как минимум до совершеннолетия.

Повисла гнетущая тишина. И тут Жан А. стукнул себя кулаком в лоб, как будто у него только что случился мощный провал в памяти.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Какой же я болван! Ведь мы со Стефаном пишем сочинение вместе, это парная работа, а в библиотеке было слишком шумно, ну и это... Мы с ним пошли заниматься к нему домой, чтобы нас никто не отвлекал.

Папа нахмурил лоб.

— Надо же... — сказал он. — А можно мне на него взглянуть, на это почти дописанное сочинение?

Жан А. раз-другой открыл рот — совсем как выброшенная на берег рыба — и наконец пролепетал:

— А оно... оно... осталось у Стефана. Ну, ему надо было... надо было... его аккуратно переписать на чистовик.

Папа повернулся к маме.

— Ну что ж, теперь всё объяснилось. Что скажешь, дорогая? Парная работа — это очень эффективный вид учёбы, не правда ли?

Мама как-то поморщилась... Похоже, она не собиралась так легко проглотить лапшу, которую Жан А. навешал на уши папе.

— Но ведь прежде чем отправиться на эту вашу парную работу к Стефану, ты был в библиотеке? Можно поинтересоваться, какие книги ты там взял? — спросила мама.

— О! Это две такие увлекательные книжки, я их давно ждал! — ответил Жан А. — Такая радость, что наконец-то они мне достались...

Он порылся в моей спортивной сумке и протянул книги маме.

— «Как я готовлюсь к Великому посту» и «Вводный курс древнегреческого языка»... В самом деле, очень увлекательно, — ошарашенно проговорила мама.

— Я поражён, дорогой Жан А., — сказал папа. — Надеюсь, дочитав эти книги, ты поделишься с нами впечатлениями и немного расскажешь об их содержании?

Жан А. состроил на лице покорную улыбку.

— Видишь, дорогая, — заключил папа, — как я был прав, когда настоял на том, чтобы старшие записались в муниципальную библиотеку!

— Да, действительно, это было очень разумное решение, — ответила мама. — Может, теперь мы все наконец сядем за стол?

— С радостью, — сказал папа. — Там ещё осталось немного твоего восхитительного рисового пудинга?

— Я сберегла порцию старших, — сказала мама. — Мне было бы очень жаль, если бы они остались без десерта из-за того, что им приходится с таким усердием работать в библиотеке.

— Класс! — воскликнули хором мы с Жаном А. — Вот чего нам весь день не хватало, так это рисового пудинга!

Ух, как близки мы были к провалу...

Но в конечном итоге операция «Библиотека» была проведена мастерски, и мы вышли из этого сложного задания победителями.

Правда, по тому, как Жан А. швырнул на пол книги, когда мы вошли к себе в комнату, я понял, что ночью, сразу после отбоя, нас ждёт грандиозное сражение грязными носками.

Когда в семье шестеро мальчишек, трудно надеяться на спокойную минутку.

По утрам, когда Жан В. и Жан Г. спорят о том, кому принять душ вторым, Жан Д. во всё горло тренируется произносить без шепелявости «Сэсть мысат в камысах сурсат», а Жан Е. вопит у себя в люльке, я всерьёз подумываю о том, что лучше было бы немедленно отправиться в интернат для детей военнослужащих, чем выносить всё это.

У нас в семье имя каждого ребёнка начинается на «Жан», и родители для удобства разделили нас на три группы: старшие, средние и младшие.

Старшие — это мы: Жан А. (самый скандальный член семьи, больше известный по прозвищу Жан-Аристократ) и я, Жан Б. (которого прозвали Жаном-Булкой из-за того, что я люблю вкусно поесть и щёки у меня из-за этого круглые).

Дальше идут средние: Жан В. (В. — потому что он «Витает в облаках и ничего не понимает») и Жан Г. (Гадский Гамадрил и Главная Головная боль наших родителей).

Ну и младшие — это Жан Д. (которого правильнее называть Зан Д., поскольку сам он может произнести своё имя только так) и самый младший Жан Е., Жан-Ёж или Жан-Енот (потому

что ростом он пока не столько с людей, сколько с этих вот животных).

Мы с Жаном А. живём в одной комнате, у нас двухэтажная кровать и один письменный стол с двумя рабочими местами. Папа у нас мастер на все руки и сам спроектировал этот замечательный предмет мебели. Он покрыт лаком, как корабельный стол, и у него большие выдвижные ящики, которые так сильно забиты, что всё время заедают, когда пытаешься их выдвинуть.

В ящике стола я храню свою знаменитую тайную тетрадь. Она лежит на самом дне, под школьными принадлежностями, прикрытая старой вонючей физкультурной майкой, чтобы никто не посмел туда сунуться.

По вечерам, когда все уроки сделаны, я тайком достаю тетрадь, перьевую ручку, которую мне подарили на первое при­частие, и пишу роман.

— Чего ты там делаешь? — спрашивает Жан А.

— Ничего.

— Тебя что, наказали? Задали сто раз переписать предложение?

— Не лезь не в своё дело.

Жан А. пользуется тем, что в поисках вдохновения я при­крываю глаза, и пытается заглянуть ко мне в тетрадь. Он носит

очки, и со стороны, наверное, кажется, что это толстая сова сидит и подслеповато моргает у меня за спиной.

— Нарываешься на мой парализующий приёмчик? — ору я и грудью накрываю тетрадь, чтобы он не увидел, что там написано.

— Ой, как страшно! — веселится Жан А. — Боюсь-боюсь карлика-четвероклашку! Предупреждаю: если твой локоть хоть на миллиметр заползёт на *мой* письменный стол, ты труп!

— Если ты вдруг забыл, это и *мой* письменный стол тоже!

Я вижу, как он роется в своих ящиках, вынимает оттуда пачку бумаги, линейку и карандаши и начинает усиленно над чем-то трудиться.

— Ну, а ты чего там такое делаешь?

— Не лезь!

— Что ты рисуешь?

— Чертёж барьера под напряжением, — ворчит он и выводит на листе такие микроскопические вычисления, что получаются не цифры, а какие-то мушиные какашки. — С таким барьером каждый раз, когда ты полезешь на мою половину, тебя шарахнет сто тысяч вольт прямо в сочленение локтевой и лучевой костей!

Вид у меня, должно быть, был ошеломлённый, потому что он, глядя на меня, чуть не упал от смеха.

— Это локоть, тупица! Ну ты вообще ничего не понимаешь в анатомии! Тебя, небось, даже в пятый класс не переведут...

Обычно именно в такие моменты средние решают заявиться к нам в комнату с какой-нибудь настольной игрой под мышкой.

— А что вы делаете? Может, поиграем в «Найди убийцу»?

— Даже не мечтайте! — дружно отзываемся мы с Жаном А.

— Тогда, может, в карты? В «Русский банк» или в «Кости лжеца»?

Никак от них не отвяжешься... Мы с Жаном А., конечно, выходим из себя.

— А шнурки вам не погладить?